

Чеслав Милош

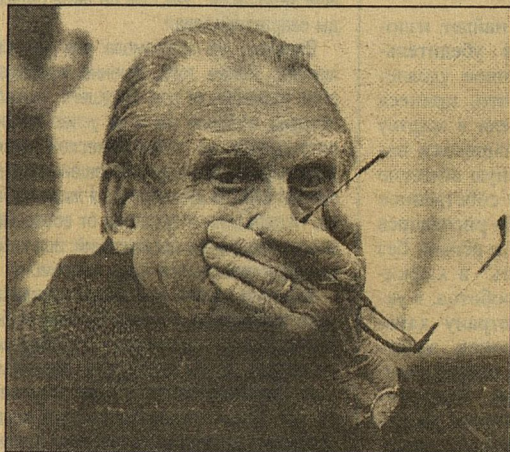
Несколько русских страниц «Алфавита Милоша»

БААЛ. Летом 1862 г. Достоевский совершил поездку во Францию и Англию, которая стала содержанием его очерка "Зимние заметки о летних впечатлениях". Пятая глава, о Лондоне, называется "Баал": Баалу, божеству Сирии и Ханаана, имя которого значит попросту "Господь", по преданию, приносили человеческие жертвы. Никто, даже Диккенс на своих самых черных страницах, не сказал таких страшных вещей о тогдашней столице капитализма, как Достоевский. Наверное, будучи русским, он имел основания не любить Запад, но его нравственное возмущение так сильно, а описания так реалистичны, что трудно ему не верить. Нищета, отупение от тяжкого труда, пьянство, орды проституток, многие из которых малолетние, — все это доказывало, что высшие классы Англии действительно приносили жертвы золотому тельцу. Трудно удивляться, что зачастую в том же Лондоне пророчество Карла Маркса обладало такой мстительной силой. Ибо все-таки, пожалуй, ниже достоинства человека соглашаться на подчинение закону природы, который требует или есть, или быть съеденным. Мои сильные социалистические рефлексы вытекали из мысли о миллионах человеческих существований, втоптаных в грязь. Правда, можно усомниться в том, что для этих втоптаных было бы утешением знать о других миллионах, погибших в лагерях.

Другой русский, Максим Горький, посетил Нью-Йорк в самом начале XX века и написал репортаж под заглавием "Город желтого дьявола" (т.е. доллара). Читая это, я думал, что он преувеличил, но не слишком, потому что таким и был тогда этот город для тех, кто находился внизу. А позже Горький поехал на Соловки и послушно сделал вид, что не видит, что такое пыточный лагерь.

ДОСТОЕВСКИЙ, Федор. Я преподавал Достоевского, и меня спрашивали, по-

Чеслав Милош. Фото М. Лемкина.

чему бы мне не написать о нем книгу. Я отвечал, что о нем написаны целые библиотеки на разных языках и что я не литературовед, в лучшем случае притворяюсь литературоведом. Однако на самом деле была и другая причина.

Это была бы книга недоверия, а без этого лучше обойтись. Великий писатель имел такое влияние на состояние умов в Европе и Америке, как никто из его современников, за исключением Ницше. Не Бальзак, не Диккенс, не Флобер и не Стендаль — общеизвестные имена теперь, в конце нашего века. Он использовал форму романа так, как до него (и после него) не удалось никому, хотя то же пробовала Жорж Санд: для того, чтобы поставить диагноз гигантскому явлению, которое он сам пережил изнутри и которое охватывал, — эрозии религиозной веры. Его диагноз оказался верным. Он предвидел результаты этой эрозии в умах российской интеллигенции. Русская революция нашла свой ключ в "Бесах" (как открыто признал Луначарский) и в "Легенде о Великом Инквизиторе".

Несомненно, пророк. Но и опасный учитель. Бахтин своей книгой о поэтике Достоевского навязал гипотезу полифонического романа как изобретения этого русского писателя. Полифония создает крайнюю современность Достоевского: мы слышим голоса, множество голосов в воздухе, сталкивающихся, высказывающих противоположные мысли, — разве все мы в нынешней стадии цивилизации не вынуждены слушать этот гам?

Однако его полифония имеет пределы. За ней скрывается ярый исповедник, русский хилиаст и мессианист. Трудно представить себе нечто более одностороннее, чем сцена с поляками в "Братьях Карамазовых". А трактовка образа Ивана Карамазова доказывает наличие куда более мощного эмоционального заряда, чем то позволяет полифония.

Достоевского-идеолога отделяли от Достоевского-художника, чтобы спасти его величие, искаженное неприятными высказываниями, и гипотеза Бахтина служила в этом серьезной подмогой. По существу же можно сказать, что, не будь русского мессианиста и его страстной заботы о России, не было бы и всемирно прославленного писателя. И не только забота о России наделяла его силой — страх за ее будущее принуждал его писать: чтобы предостеречь.

Был ли он христианином? В этом нет полной уверенности. Может быть, он решил быть таковым, поскольку вне христианства не видел для России спасения? Но конец "Братьев Карамазовых" позволяет нам усомниться, находил ли он в своих мыслях успешный противовес процессам разложения, которые наблюдал. Этот чистый юноша Алеша во главе своих двенадцати учеников, словно отряда скаутов, — как то, что предлагается христианской России, чтобы спасти ее от революции? Чуточку сладостно и лубочно.

Он бежал от лубка, искал приправ поострее. Грешники, бунтовщики, извращенцы, безумцы всемирной литературы с самого начала населили его романы. Схождение на дно греха и позора у него как будто составляет условие спасения, но творит и осужденных на вечные муки, таких, как Свидригайлов и Ставрогин. Хотя он сам — все его герои, но один получил от него в высшей степени его собственный ход мыслей, и это Иван Карамазов. Поэтому Лев Шестов подозревает, и, вероятно, правильно, что Иван выражает окончательную невозможность веры Достоевского — вопреки положительным героям, старцу Зосиме и Алеше. Но что же провозглашает Иван? Он возвращает "билет" Творцу из-за одной слезинки ребенка, затем рассказывает сочиненную им самим "Легенду о Великом Инквизиторе", смысл которой сводится к тому, что, когда не удастся осчастливить людей под знаменем Христа, надо постараться осчастливить их под знаменем дьявола. Бердяев написал, что Ивану присуща "ложная чувствительность" и что, наверное, то же самое можно приложить к Достоевскому.

В письме к Фонвизиной Достоевский сказал, что, если бы ему повелели выбирать между истиной и Христом, он выбрал бы Христа. Более честны, вероятно, те, кто выбирает истину, даже если на вид она противоречит Христу (так утверждала Симона Вайль). По крайней мере они не полагаются на свое воображение и не воздвигают идола по своему подобию.

Есть одна вещь, которая склоняет меня значительно смягчить свое суждение: тот факт, что Лев Шестов прежде всего у Достоевского нашел стимул к своей трагической философии. Шестов для меня очень важен. Именно благодаря чтению его мы с Иосифом Бродским могли хорошо понимать друг друга.

ДУХОБОРЫ, или духоборцы. Эта секта, гласящая возврат к раннехристиан-

ским общинам, действовала в южной России. Незадолго до 1-й Мировой войны ее приверженцам удалось эмигрировать в Канаду в надежде, что там они будут свободны от государства: власть государства была для них властью Антихриста. Их отношения с окружающими в новой стране складывались не слишком гармонично. Они хотели, чтобы их оставили в покое, что, может, и удалось бы провести, но не там, где в расчет входило однородное воспитание для всех, т.е. обязательное школьное обучение. Духоборцы учили своих детей сами и на своем, русском языке. По их мнению, послать детей в канадскую школу значило подвергнуть их влиянию испорченной и дьявольской цивилизации. Их способы сопротивления приобрели известность, об этом писали в прессе, иллюстрируя фотографиями. В доказательство того, что их не заботят земные блага, духоборцы поджигали свои дома, после чего навстречу вооруженным полицейским устремлялась сбита толпа баб и мужиков, внезапно раздевавшихся догола, что как тактика, позволяющая взять врасплох и смутить, кажется, оказывалось успешным.

Духоборцы интересовали меня, но я не знал, где их искать. Говорили, что они сидят в лесах на юге канадского штата Британская Колумбия. Во время одной из наших с Янкой автомобильных экспедиций я заупрямился и выбрал маршрут через эти края, хотя вероятность встретить их там была невелика. Пригодилось мое знание русского: в придорожной закуской человек с явно славянским лицом, когда я обратился к нему по-русски, дал мне все нужные указания. Оказалось, что за 10-15 миль находится главная деревня духоборов и как раз у них великий праздник. Деревню, зажиточную, с большими деревянными домами, мы застали почти опустевшей: все ушли на праздник, отмечавшийся выше, в горах. Нам показали, как туда добраться. Деревянные ворота, а внутри три больших, продолговатой формы, надгробных камня — как я узнал, это было священное кладбище их мучеников. Я узнал, что английские поселенцы духоборов ненавидели и поначалу убивали. С кладбища на горе я восхищался прекрасным видом на всю долину. "Когда мы пришли сюда, — говорил мне один старик, — всходу рос лес, такой густой, как мои пальцы". Они выкорчевали лес, начали возделывать землю, и тогда канадское правительство отобрало у них множество земли под дороги и аэродром.

Окончание следует.

Перевела с польского Н. Горбаневская.

Перевод сделан по изданию: Чеслав Милош. Алфавит Милоша. Краков, "Выдавництво литературе", 1997 (на польск. яз.).
Благодарим издательство и автора за любезное разрешение на публикацию.

Русская мысль - Париж - 1997 - 26 июня - 2 июля - с. 10-11.